

Моя
прекрасная
леди

БАРБАРА КАРТЛЕНД

*Исчезнувшая
невеста*

Москва
«ЭКСМО»
2014

УДК 82(1-87)
ББК 84(7США)
К 27

Barbara Cartland

THE CHIEFTAIN WITHOUT A HEART

Перевод с английского *Н. Холмогоровой*

Художественное оформление *С. Ляха*

Картленд Б.

К 27 Исчезнувшая невеста / Барбара Картленд ; [пер. с англ. Н. Холмогоровой]. — М. : Эксмо, 2014. — 288 с. — (Моя прекрасная леди. Барбара Картленд).

ISBN 978-5-699-70660-0

Герцог Стратнарн, став жертвой шантажа, вынужден жениться на дочери вождя шотландского клана. К его удивлению и радости, девушка оказалась прелестна, как сама весна. Он уже готов был смириться с судьбой, но в первую брачную ночь его красавица жена куда-то исчезла...

УДК 82(1-87)
ББК 84(7США)

© Холмогорова Н., перевод
на русский язык, 2014
© Издание на русском языке,
оформление. ООО «Издательство
«Эксмо», 2014

ISBN 978-5-699-70660-0

Глава 1

1822 год

— Слава богу, буря утихла!

Лорд Хинчли налил себе бокал бренди и осушил его одним глотком.

— Тебе повезло, — заметил его собеседник, — ты не видел настоящих штормов.

— И не увижу! Разрази меня гром, если я еще когда-нибудь в своей жизни отправлюсь в плавание! Бог свидетель, Тэран, я начинаю верить, что эта страна и вправду — обиталище варваров и злых духов!

— Обычное представление сноба-англичанина о Шотландии, — скривив губы, заметил герцог Стратнарн.

Лорд Хинчли откинулся в кресле, мысленно поблагодарив судьбу за то, что кресло это не швыряет из стороны в сторону по всей кают-компании — как продолжалось все семь дней их путешествия по суровому Северному морю.

— По моему скромному мнению, — заговорил он доверительно, — ты был трижды прав, когда отряхнул со своих ног прах Шотландии и уехал на юг. А сейчас, Тэран, — и я тебе это уже не раз говорил — ты совершаешь величайшую ошибку в своей жизни.

Герцог, помрачнев, молча отвернулся к иллюминатору, за которым приветливо зеленел берег. Корабль на всех парусах мчался к Ферт-оф-Тэю.

Герцог не собирался объяснять даже лучшему другу, что все его существо протестовало против возвращения в Шотландию — страну, которую он покинул двенадцать лет назад, как полагал, навсегда.

Тогда Тэрану было всего шестнадцать. Он бежал, не выдержав издевательств отца. Стратнарн-старший был груб и несправедлив с мальчиком, жестоко унижая его гордость. В гневе Тэран решил, что не хочет иметь ничего общего ни с Шотландией, ни с народом горцев.

Герцог вспоминал, как, добравшись до Перта, он поднялся на первый попавшийся корабль, идущий в Англию. В кармане у него нашлось лишь несколько мелких монет, и

плавание пришлось провести в душной, вонючей каморке под палубой.

Однако лондонские родственники покойной матери приняли беглеца с распростертыми объятиями.

Его отправили учиться сначала в знаменитую Публичную школу, а затем — в Оксфорд. По окончании университета юный маркиз Нарн, пользуясь щедростью своего деда — близкого друга принца-регента, — начал роскошную и утонченную жизнь светского денди.

О Шотландии маркиз почти не вспоминал.

Дед вскоре умер, оставив внуку огромное поместье и крупное состояние. Бывший принц-регент, а ныне король Георг Четвертый, считал себя обязанным покровительствовать внуку покойного друга. Маркиз Нарн наслаждался всем, что мог предоставить Лондон человеку его лет и положения.

Представьте же себе чувства Тэрана, когда три месяца назад он узнал, что отец его умер, а сам он унаследовал титул не только герцога Стратнарна, но и вождя клана Макнарн!

Кажется, в глубине души он полагал, что отец неподвластен смерти и будет жить вечно.

Когда Тэран вспоминал отца — что случилось нечасто, — старый вождь представлялся ему каким-то могучим нестибаемым существом, вроде тех великанов, легенды о которых он слышал в детстве...

Герцог молчал так долго, что лорд Хинчли, снова наполнив бокал, заметил:

— Вижу, ты не в духе. Физиономия у тебя такая, что у членов этого твоего клана при одном взгляде на тебя душа уйдет в пятки!

— Вот и хорошо, — мрачно ответил герцог, — тогда они, может быть, будут меня слушаться.

Впрочем, сам герцог тут же сообразил, что говорит глупость. Членов клана не нужно принуждать к повиновению — они подчиняются вождю охотно и с радостью. Отец однажды заметил: «Вождь стоит посредине между своим народом и богом».

Странная тревога охватила герцога, и он поспешил напомнить себе, что времена патриархальной дикости миновали. Теперь вождь не имеет власти над жизнью и смертью сво-

их вассалов и взаимные отношения вождя и клана, конечно, изменились.

— Вот что я тебе скажу, — заметил лорд Хинчли, потягивая бренди, — когда мы с Его Величеством поплывем обратно на «Ройял Джордже», я запрущу в каюте и напьюсь до бесчувствия! И постараюсь не просыпаться, пока в окне не покажется Тильбюри.

— На обратном пути море станет спокойнее, — рассеянно ответил герцог, словно думал о чем-то другом. — Кроме того, Его Величество не страдает морской болезнью и непременно захочет увидеть, как обрадовались шотландцы его визиту.

— Ты уверен, что они обрадуются? — спросил лорд Хинчли. — По-моему, зря сэръ Вальтер Скотт поддержал короля в этом сумасшедшем желании ехать в Шотландию! Если у шотландцев осталась хоть капля здравого смысла, они встретят Его Величество не приветственными криками, а мрачным молчанием, а то и проклятиями.

Герцог не отвечал, и лорд Хинчли продолжил:

— Мой дед служил в армии Камберленда и принимал участие в битве при Куллодене.

Он рассказывал, что после победы началась настоящая резня. Английские солдаты не щадили ни стариков, ни женщин, ни детей. На месте любого англичанина я бы трижды подумал, прежде чем ехать к людям, в чьих сердцах, несомненно, еще жива мысль о мести.

— Битва при Куллодене была очень давно, — ответил герцог.

— Могу поспорить, что шотландцы ее не забыли, — парировал лорд Хинчли.

— Да, пожалуй, ты прав.

— Конечно, я прав! — подтвердил лорд Хинчли. — Они же варвары, а у всех варварских народов существует кровная месть и вражда, передающаяся от поколения к поколению.

— Я вижу, ты неплохо разбираешься в варварах, — заметил герцог.

— Когда Его Величество приказал мне отправиться вперед и проверить, все ли в Эдинбурге готово к его прибытию, я не пожалел времени и раскопал в библиотеке кое-какие сведения из истории Шотландии и шотландцев.

Помолчав, лорд Хинчли добавил:

— Должен тебе сказать, Тэран, что англичане поступили с шотландцами по-свински. А ведь победили только потому, что были лучше организованы и стреляли из мушкетов!

Герцог ничего не ответил.

— Когда я был еще мальчуганом, — продолжал лорд Хинчли, — дед часто рассказывал мне, как шотландцы шли к Куллодену — голодные, под дождем, по крутым горным склонам, прямо под вражеский огонь! Они шли, построившись по кланам, и впереди каждого клана ехал вождь...

С нетерпеливым жестом герцог вскочил на ноги.

— Ради бога, Уильям, прекрати свои рассказы о битве, происшедшей, когда нас еще и на свете не было! Оба мы отправились в это идиотское путешествие против воли; чем скорее мы покончим со своими делами и вернемся домой, тем лучше!

В голосе его звучала такая ярость, что лорд Хинчли в изумлении уставился на своего друга.

— Мне казалось, — протянул он наконец, — что вообще-то там твой дом.

Герцог сжал кулаки, словно лорд Хинчли

задел его за больное место. Лорд любил своего друга и не хотел его огорчать, а потому сказал успокаивающе:

— Выпей еще. Ничто так не разгоняет тоску, как хороший французский бренди!

Герцог наполнил стакан из пузатого графина с плоским дном — такая посуда на кораблях незаменима при качке.

Жидкий огонь разлился по жилам, но герцог почувствовал, что бренди не успокаивает его, а, напротив, возбуждает гнев и отвращение к тому, что ждало его на берегу.

После смерти отца герцог не собирался возвращаться в Шотландию. Он стал отрезанным ломтем двенадцать лет назад, когда бежал из родной страны с исполосованной кнутом спиной и жгучей обидой на весь мир.

Если родные считают его предателем — тем хуже для них! Он не собирается считаться ни с чьими чувствами, кроме своих собственных.

Деньги доставляли юному герцогу самые изысканные развлечения, а его мужественная красота притягивала женщин, словно бабочек к огню. У него просто не было време-

ни подумать о чем-нибудь, кроме собственного удовольствия.

Со времен регентства вокруг принца Георга собирались самые изысканные молодые люди Англии. Принц, а затем король, поощрял их рискованные сумасбродства, а порой, несмотря на зрелый возраст, и сам подавал им пример.

Этот кружок экстравагантных светских щеголей, к которым сразу приклеилось прозвище «Денди», возник стараниями знаменитого Красавчика Бруммела. Бруммел давно поссорился с королем и умер в изгнании, а идеи его жили и процветали.

И теперь король, словно ребенок, собирающийся на маскарад, упоенно мечтал о том, как будет принимать приветствия шотландцев в национальном костюме горца!

Знати Эдинбурга был отдан приказ встречать короля во главе своих кланов, в тартах¹ и под звуки волынок. Необычайный парад должен был состояться двадцать третьего августа, в пятницу, в Портобелло-Сэндз.

¹ Национальная шотландская одежда. Клетчатая накидка, наподобие плаща, скрепленная на плече застежкой. (*Здесь и далее примеч. пер.*)

Герцогу и в голову не приходило, что на церемонии придется присутствовать и ему, но король ясно дал понять, что надеется увидеть своего юного друга во главе клана Нарнов. Как ни старался герцог, он не смог придумать никакой убедительной отговорки.

К тому же случилось так, что приказ короля (а это был именно приказ) совпал по времени с отчаянным письмом из Шотландии от мистера Роберта Данблейна, управляющего отцовскими землями.

Письмо Данблейна герцог получил, по шотландским понятиям, необычайно быстро — всего через какой-нибудь месяц после отправки.

Из всех слуг отца только Роберт Данблейн вызывал у герцога теплое чувство. Он единственный пытался, хотя и безуспешно, облегчить жизнь мальчика в отцовском доме.

Именно Данблейн несколько месяцев назад известил его о смерти отца, ясно давая понять, что ждет скорейшего возвращения герцога в Шотландию для вступления его в права наследования.

Прочтя это письмо, герцог смял его и бросил в ящик стола.

Ему не нужны ни земля, ни родовой замок, ни клан отца! Его тошнит от всего этого!

Носить титул он готов, но в остальном — чем меньше он будет слышать о Севере, тем лучше. И герцог выбросил из головы просьбы Данблейна.

Однако второе письмо было совсем другого рода: чем дальше читал его герцог, тем больше мрачнело его лицо.

— Идиот! — гневно воскликнул он наконец. — Чертов юнец! Как он только додумался!..

Племянник герцога, Торквил Макнарн, родился в 1806 году, за четыре года до того, как Тэран сбежал из дому. Герцог лишь смутно помнил младенца в пеленках — старшего сына любимой сестры Дженет.

Мать Тэрана умерла, когда он был совсем малышом, и сестра, бывшая двенадцатью годами старше, заменила ему мать.

Она вышла замуж за кузена — тоже Макнарна — и покинула замок, навсегда избавившись от тирании отца.

Единственные светлые воспоминания герцога о Шотландии были связаны с Дженет. Когда шесть лет назад она умерла от родов,